

УДК 821.161.1

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ К.Н. БАТЮШКОВА НА Е.А. БОРАТЫНСКОГО

Рудакова С.В.

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск, e-mail: masu@masu.ru

В статье исследуется влияние К.Н. Батюшкова на формирование романтической системы Е.А. Боратынского. Выявляется близость художественных открытий Парни Батюшкову и Боратынскому. Анализируются особенности переосмысления идиллической традиции Тибулла в лирике Батюшкова и Боратынского, рассматривается характер усвоения Боратынским эпикурейских образов и мотивов лирики Батюшкова. Выявляются созвучия между поэзией Боратынского и лирикой Батюшкова в раскрытии образа поэта. Доказывается, что Боратынский очень рано осознал чуждость культа наслаждения, воспринятого им у Батюшкова и Парни. Поэтому стал ощущать сначала расхождение с беспечными друзьями, воспевающими эпикурейские удовольствия, а затем и с самой жизнью. Он переосмысливает предлагаемое его предшественником, философски обобщает его опыт в контексте своего поэтического творчества. И выбирает свой путь в романтической поэзии.

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, К.Н. Батюшков, Парни, романтическая поэзия, эпикурейская лирика, культ наслаждения

TO THE QUESTION ABOUT THE INFLUENCE OF K.N. BATYUSHKOV ON E.A. BORATYNSKY

Rudakova S.V.

Magnitogorsk State University, Magnitogorsk, e-mail: masu@masu.ru

In article K.N. Batyushkov's influence on formation of romantic system E.A. Boratynsky is investigated. The proximity of Parni's art opening to Batyushkov and Boratynsky comes to light. Consonance between poetry of Boratynsky and Batyushkov in the disclosure of the image of the poet identified. It is proved that Boratynsky very soon realized the foreignness of the cult of pleasure, perceived him from Batyushkov and Parni. That's why Boratynsky began to feel the difference from the first light-hearted friends, glorifying the epicurean pleasures, and feel the difference from life itself. He reinvents proposed by his predecessor, philosophical summarizes his experience in the context of his poetry. And chooses his way in romantic poetry.

Keywords: E.A. Boratynsky, K.N. Batyushkov, Parni, romanticism, Epicurean lyrics, the cult of pleasure

Находясь в обществе блистательных русских романтиков, Е.А. Боратынский сумел сохранить неповторимость своей Музы. И, может быть, поэтому в одной из своих работ В.Г. Белинский вынужден был признать: «Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит г. Боратынскому» [6, с. 47].

Рассматривая вопрос о своеобразии романтизма Е.А. Боратынского, невозможно не обратиться к анализу того литературного опыта предшественников и старших современников, что учитывал и использовал в своём творчестве поэт.

Е.А. Боратынскому принадлежит не одно восторженное высказывание о красоте, самобытности музыки «нежного» Батюшкова, один из примеров – строки из стихотворений «Богдановичу» (1824) и «Чтоб очаровывать сердца...» (1826). И именно с лирикой К.Н. Батюшкова сравнивали произведения раннего Е.А. Боратынского уже его современники. Проявилось это, в частности, в сопоставлении поэзии одного и другого художника с творчеством Эвариста Парни, яркого представителя французской «легкой поэзии» (*poesie fugitive*).

На близость поэзии Батюшкова творчеству французского поэта обращали внимание многие современники. Так, в 1814 г в послании «К Батюшкову» А.С. Пушкин-лицеист, восторженно характеризуя лирику

всем известного автора, называет его «*наш Парни российский*» [15, с. 64]. Н.М. Карамзин в письме А.И. Тургеневу с теплом и легкой иронией передает поклон своему приятелю: «Обнимаю Вас, дружески кланяюсь Блудову–Риваролу и *Батюшкову–Парни*» [13]. А.И. Тургенев в переписке с П.А. Вяземским, вспоминая с нежностью о друге, соединяет в своём сознании два имени в одно целое: «Поцелуй за меня *Парни Николаевича*» [7].

Следует подчеркнуть, что и сам Батюшков был увлечен личностью и поэзией Парни. Свидетельством тому являются его многочисленные обращения к произведениям этого автора: это «Элегия» (1804 или 1805), ряд стихотворений с подзаголовком «Из Парни» – «Мщение», «Привидение», «Ложный страх». Но создавая свои подражания Парни, Батюшков творчески переосмысливает его стихотворения, внося в чужой текст свои «оригинальные» идеи, ведь, по словам самого поэта, он «завоёвывал» свои переводы, отказываясь «переводить слово в слово, строка в строку» [11, с. 171].

Если мы обратимся к страницам биографии Боратынского, то и в ней найдем сравнение поэта с Парни. Так, например, в письме, адресованном Боратынскому, К.Ф. Рылеев, размышляя о вопросах литературной жизни, в прямом обращении к другу использует выразительный перифраз:

«Милый Парни!» [12, с. 127]. Отмечая элегический характер романтической поэзии Боратынского (как её бесспорное достоинство), А.С. Пушкин в разговоре с П.А. Вяземским с восторгом высказывает следующую мысль: «Но каков Боратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова – если впрямь зашагает, как шаггал до сих пор – ведь 23 года счастливцу!» [8, с. 29]. Как видим, Пушкину удается обнаружить генетическую связь творчества своего друга с поэзией двух великих предшественников, при этом он отмечает не подражательность, а умение творчески использовать опыт других для создания чего-то качественно иного, лучшего.

Сам Боратынский признавал Парни великим поэтом, подтверждением тому могут служить строки из стихотворения «Элизийские поля», в котором лирический герой Боратынского представляет себя оказавшимся в «закоцитной стороне», где встречает достойных поэтов, среди которых и Парни. Боратынский вслед за Парни и Батюшковым в этом произведении провозглашает те же ценности, что восславляли его предшественники: «Где ни жил я, мне всё равно: / Там тоже славить от безделья / Я стану дружбу и вино. / Не изменяю в подземном мире, / И там на шаловливой лире / Превозносить я буду вновь / Покойной Дафне и Темире / Неприхотливую любовь» [1, с. 93]. Подобные жизненные ориентиры будут описаны поэтом и в других его стихотворениях, например, в послании «К<РЫЛЮ>ВУ» (1820).

Однако в отличие от Батюшкова Боратынский не стремится подчеркнуть свою увлеченность творчеством Парни, более того, в одном из писем к П.А. Вяземскому, размышляя о творчестве и собственной поэтической позиции, он полушутливо, полусерьезно замечает: «Простите, спорю невольно / Я с вашей Музою прелестной; / Но мне Парни ни сват, ни брат: / Совсем не он отец мой крестный», – правда, чуть ниже признается: «Он мне, однако же, знаком: / Цитерских истин возвеститель, / Любезный князь, не спорю в том, / Был вместе с вами мой учитель» [9]. Тем не менее, как и его старший современник, Боратынский обращается к переводам Парни.

В сборнике 1827 г. с подзаголовком «Из Парни» напечатано стихотворение «Ожидание». Можно назвать ещё ряд поэтических текстов Боратынского, в которых угадывается влияние Парни. Так, например, в стихотворении «Расстались мы; на миг очарованьем...» лирическая ситуация схожа с той, что описана была Парни в его «Как счастье медленно приходит» («Que le bonheur arrive lentement!...»), а также Батюшковым в его переводе этого стихотворения Парни под названием «Элегия» («Как счастье медлен-

но приходит»). Но Боратынский, наверное, не случайно не желает как-либо указывать на первоисточник, так как мотивы и образы исходного текста лишь натолкнули его на собственные размышления о любви, расставании, мимолетности чувств и эфемерности состояния счастья.

Хотя знакомство с творчеством Парни происходит напрямую (французский язык Боратынский, как и многие дворяне, знал в совершенстве и читал Парни в оригинале), усвоение Боратынским отдельных элементов поэтики «легкой поэзии» идет всё же именно «через» Батюшкова.

Но близость Боратынского и Батюшкова проявляется не только в возникающих в сознании современников и самих поэтов параллелях их творчества с наследием Парни, но прежде всего в мотивах, образах, идеях, почерпнутых одним автором у другого. Ранний Боратынский вбирает в свою поэзию многое из эпикурейской романтической лирики Батюшкова. Боратынский использует разного рода реминисценции стихотворений Батюшкова.

Подобно Батюшкову, Боратынский обращается к образам и идеям лирики древнеримского автора Тибулла, создавая свою картину сельской идиллии, противопоставленной праздной светской жизни больших городов. Но лирические герои и Батюшкова, и Боратынского предстают романтиками, мечтающими о свободе, не желающими быть на поводу у большинства, бегущими от жестокости и несправедливости в свой особый мир, сливающийся с природой. Герой Боратынского именно вдали от света, на лоне природы, как ему кажется, может обрести счастье, здесь открываются ему ускользающие прежде истины бытия. Подобная картина описывается, например, в «Отрывках из поэмы “Воспоминания”» (1819). Читая эти строки, вспоминаешь поэтические размышления Батюшкова из послания Жуковскому и Вяземскому «Мои пенаты», в котором он выразительно представил свой поэтический идеал.

Однако стоит сразу отметить различия, обнаруживаемые при сравнении ранней лирики Боратынского с поэзией Батюшкова. Так, герой Батюшкова, увлеченный идеями романтизма, ценя личную независимость, удаляется от света, предпочитая жизнь в некой «хижине убогой», уединенном «пространстве», в котором он с радостью готов встретить друзей, куда мечтает привести свою тайную возлюбленную. Для героя же Боратынского, также ощущающего тягу к романтической свободе, таким идеальным миром оказывается отчий деревенский дом, именно сюда он мечтает попасть и остаться позади всё то, что чуждо, разрушительно для духовного мира человека. Для мировосприятия лирических героев обоих

поэтов характерно романтическое двоемирие: светскую реальность они категорически не приемлют, устремляясь в собственный мир, где царят духовные законы. Подобные мысли звучат, например, в стихотворении Боратынского 1821 г. «Я возвращаюсь к вам, поля моих отцов». Герой Боратынского называет себя «спокойным домоседом», используя чуть изменённую формулу Батюшкова, представленную в стихотворении «Странствователь и домосед» (1815).

Лирический герой ранней лирики Боратынского, как и герой Батюшкова, – страстный любовник, для которого любовные переживания – это нечто принципиально важное в жизни, потому, подобно некоторым романтикам, в конфликте с внешним миром предпочитает путь «бегства» от жестокой реальности именно в «мир любви». Как следствие, утрата способности любить приравнивается к утрате полноценного бытия. Даже ветреность и кокетство красавиц вызывает поначалу не осуждение и гнев, а какое-то умиление, что может проявляться, например, в строках: «Непостоянна ты во всем, / И постоянно ты прелестна» [1, с. 59].

В ранней лирике Боратынский предпочитает любимые Батюшковым женские имена, среди которых Хлоя, Делия, Лиза... Но чаще всего используется поэтом вымышленное имя Лилета (Лиля). Описывая общение героя с возлюбленной, особенно любовные сцены, Боратынский как будто пропитывается атмосферой эпикурейской поэзии Батюшкова, образы этого автора словно бы «перетекают» в его произведения. Вслед за Батюшковым Боратынский восторженно романтически описывает земную возлюбленную своего героя. Оба поэта создают в своих произведениях потрясающие по силе эмоционального воздействия картины спящей красавицы. Земная возлюбленная лирического героя Боратынского вызывает у него тот же чувственный восторг, что и у героя Батюшкова, только его чувства более нежные; красота героини рождает в его душе нечто трепетное: «И Лиля спит еще; любовью горят / Младые свежие ланиты, / И, мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят / Ее уста полуоткрыты» [1, с. 69], – или же, наоборот, нечто страстное, огненное: «Люблю с красоткой записной / На ложе неги и забвенья / По воле шалости младой / Разнообразить наслажденья» [1, с. 207]. Интересно, что оба поэта используют схожую фразеологию в описании любви, у обоих она ассоциируется с театром военных действий: у Батюшкова возлюбленные оказываются «под знаменем Любви» [5], у Боратынского упоминаются «знамена ветреной Киприды» [1, с. 87].

Боратынский, подобно своему старшему современнику, в раннем творчестве

воспевает эпикурейские радости. Так, в «Добром совете» (1821) он с оптимизмом смотрит в будущее и готов наслаждаться каждой минутой бытия, призывая и друга также воспринимать жизнь: «Живи смелей, товарищ мой, / Разнообразь досуг шутливый! / Люби, мечтай, пируй и пой» [1, с. 83]. Такие эпикурейские образы, к которым активно обращается Батюшков, как вино, чаши, пиры, дружеские застолья, появляются и в произведениях Боратынского, но востребованы они оказываются только в раннем творчестве.

Батюшков, многое впитавший и от европейской, в частности французской, и от русской литературы, создает собственную романтическую трактовку поэтического вдохновения и образа художника. Для него поэтический дар представляет собой «и муку, и услаждение людей, единственно для неё созданных» [4, с. 118]. Боратынский, как и Батюшков, воспринимает способность создавать поэзию, с одной стороны, как божественный дар, с другой – как тяжкое испытание, заставляющее человека страдать. Подобное отношение к поэзии полнее и ярче всего проявится не в раннем, а уже в позднем творчестве автора. Так, например, в письме Плетневу можем найти созвучные размышлениям Батюшкова высказывания Боратынского о предназначении, о поэтическом даре как испытании: «Совершим с твердостью наш жизненный подвиг. Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия...» [10, с. 264]. Подобное романтическое отношение к поэзии и поэту отразится, например, и в таких поздних произведениях Боратынского, как «Болящий дух врачует песнопенье» (1832), «Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!» (1840) и др.

Однако именно в раннем творчестве Боратынского обнаруживаются явные созвучия с батюшковской поэзией, когда речь заходит об образе поэта. Как и у Батюшкова, у Боратынского поэт часто предстает в окружении камней, харит или аонид. Например, у Батюшкова встречаем такие строки: «Наставники-пииты, / О Фебобы жрецы! / Вам, вам плетут хариты / Бессмертные венцы!» [3, с. 138]; «Любимый отрок аонид!» [2, с. 233]. С ними перекликаются стихи Боратынского: «Вам, свободные пииты, / Петь, любить; меня же вряд / Иль камни, иль хариты / В карауле навестят» [1, с. 59]; «Пой, любимец аонид!» [1, с. 60]. Интересно, что из всей широко представленной в античной мифологии «географии», так или иначе связанной с поэзией, искусством, Боратынский, как и Батюшков, выбирает гору Пинд.

Ранний Боратынский, вслед за Батюшковым размышляющий о необходимости

наслаждений в жизни человека, понимает их недолговечность, осознает преходящий характер жизни вообще, потому мысли о смерти не только всполохами освещают пространство его произведений, но становятся чуть ли не лейтмотивными, определяя рождение иных интонаций в поэзии: «Дана на время юность нам; / До рокового новоселья / Пожить не худо для веселья» [1, с. 68]; «Еще полна, друг милый мой, / Пред нами чаша жизни сладкой; / Но смерть, быть может, сей же час / Ее с насмешкой опрокинет» [1, с. 68]. Но, как и у Батюшкова, ощущение близости смерти заставляет героя Боратынского острее сознавать ценность хрупкой жизни и её истинные ценности.

От позднего Батюшкова Боратынский – романтик воспринял особое отношение к жизни как трагедии, перенял многие его образы. Так, образ «железного века» – один из определяющих в поздней лирике Боратынского (особенно в книге стихов «Сумерки» (1842)) – в сознании современников ассоциируется не с учителем, а с учеником, хотя впервые он появляется на страницах «Видения на берегах Леты» (1809) Батюшкова.

Привнесенная от Парни и Батюшкова в поэзию Боратынского жизнерадостность настолько переосмысливается последним, что приводит к смыканию в пределах одного стихотворения разных эмоциональных состояний. Это определяет противоречивость характеристик таланта поэта-романтика: одни называли его «певцом веселья и красоты», другие – «разочарованным», который «безрадостно с друзьями радость пел». Потому в сознании современников он представал как «певец пиров и грусти томной» [14]. За этот удивительный дар сочетать в себе две несовместимых ипостаси в 1822 г. П.А. Плетнев прочил ему сразу два венка – Анакреона и Петрарки. Боратынский чутье, чем остальные, уловил господствующие в обществе настроения: своеобразную смесь упоения молодостью и преждевременных мыслей о бренности и непостоянстве всех благ мира, рано осознал чуждость культа наслаждения, воспринятого им у Батюшкова и Парни. Потому стал ощущать сначала расхождение с беспечными друзьями, воспевающими эпикурейские удовольствия, а затем и с самой жизнью. Он переосмысливает предлагаемое его предшественником, обобщает его опыт в контексте своего поэтического творчества. И выбирает свой путь в романтической поэзии.

Список литературы

1. Боратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1989. – 480 с.
2. Батюшков К.Н. К творцу «Истории государства российского» («Когда на играх Олимпийских...») // Батюшков К.Н. Полн. собр. стихотворений. – М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 233–234.
3. Батюшков К.Н. Мои пенаты // Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. – СПб.: П.Н. Батюшков, 1885–1887. – Т. 1. – 1887. – С. 131–141.

4. Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии // Батюшков К.Н. Указ. соч. – Т. 2. – 1885. – С. 118–126.

5. Батюшков К.Н. Послание графу М.Ю. Велеурскому // Батюшков К.Н. Указ. соч. – Т. 1. – 1887. – С. 65.

6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. VI. – 1954.

7. Письмо А.И. Тургенева П.А. Вяземскому от 3 ноября 1816 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – С. 61.

8. Письмо А.С. Пушкина П.А. Вяземскому от 2 января 1822 г. Из Кишинева в Москву // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 10. Письма. – 1979. – С. 29–30.

9. Письмо Е.А. Боратынского П.А. Вяземскому, после 7 декабря 1825 г. // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост.: А.М. Песков; текст подгот. Е.Э. Лямина и А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. – С. 168.

10. Письмо Е.А. Боратынского П.А. Плетневу, 1831, июль, 10–20-е числа (?), Каймары // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. – С. 263–264.

11. Письмо К.Н. Батюшкова Н.И. Гнедичу от 29 декабря 1811 г. // Батюшков К.Н. Указ. соч. – Т. 3. – С. 169–172.

12. Письмо К.Ф. Рылеева Е.А. Боратынскому от 6 октября 1822 г. // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. – С. 127–128.

13. Письмо Н.М. Карамзина А. И. Тургеневу от 27 июня 1814 г. // Русская старина. – 1899. – Вып. 2. – С. 466.

14. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. Указ. соч. – Т. 5. – 1978. – С. 5–184.

15. Пушкин А.С. К Батюшкову («Философ резвый и пинт...») // Пушкин А.С. Указ. соч. – Т. 1. – Стихотворения, 1813–1820. – 1977. – С. 64–66.

References

1. Baratynskij E.A. Poln. sobr. stihotvorenij. L.: Sovetskij pisatel', 1989. 480 p.

2. Batjushkov K.N. K tvorcu «Istorii gosudarstva rossijskogo» («Kogda na igrah Olimpijskih...») // Batjushkov K.N. Poln. sobr. stihotvorenij. M.; L.: Sov. pisatel', 1964. pp. 233–234.

3. Batjushkov K.N. Moi penaty // Batjushkov K.N. Sochinenija: V 3 t. SPb.: P.N. Batjushkov, 1885–1887. T. 1. 1887. pp. 131–141.

4. Batjushkov K.N. Nечто о поете и поезии // Batjushkov K.N. Uказ. soч. T. 2. 1885. pp. 118–126.

5. Batjushkov K.N. Poslanie grafu M.Ju. Veleurskomu // Batjushkov K.N. Uказ. soч. T. 1. 1887. pp. 65.

6. Belinskij V.G. Poln. sobr. soч.: V 13 t. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953–1959. T. VI. 1954.

7. Pis'mo A.I. Turgenev P.A. Vjazemskomu ot 3 nojabrja 1816 g. // Ostaf'evskij arhiv knjazej Vjazemskih. T.I. Perepiska P.A. Vjazemskogo s A.I. Turgenevym. 1812–1819. SPb.: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1899. pp. 61.

8. Pis'mo A.S. Pushkina P.A. Vjazemskomu ot 2 janvarja 1822 g. Iz Kishineva v Moskvu // Pushkin A.S. Poln. sobr. soч.: V 10 t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977–1979. T. 10. Pis'ma. 1979. pp. 29–30.

9. Pis'mo E.A. Boratynskogo P.A. Vjazemskomu, posle 7 dekabrja 1825 g. // Letopis' zhizni i tvorcestva E.A. Boratynskogo / Sost.: A.M. Peskov; tekst podgot. E.Э. Ljamina i A.M. Peskov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. pp. 168.

10. Pis'mo E.A. Boratynskogo P.A. Pletnevu, 1831, ijul', 10–20-e chisla (?), Kajmary // Letopis' zhizni i tvorcestva E.A. Boratynskogo. pp. 263–264.

11. Pis'mo K.N. Batjushkova N.I. Gnedichu ot 29 dekabrja 1811 g. // Batjushkov K.N. Uказ. soч. T. 3. pp. 169–172.

12. Pis'mo K.F. Ryleeva E.A. Boratynskomu ot 6 oktjabrja 1822 g. // Letopis' zhizni i tvorcestva E.A. Boratynskogo. pp. 127–128.

13. Pis'mo N.M. Karamzina A. I. Turgenevu ot 27 ijunja 1814 g. // Russkaja starina. – 1899. Vyp. 2. pp. 466

14. Pushkin A.S. Evgenij Onegin: Roman v stihah // Pushkin A. S. Uказ. soч. T. 5. 1978. pp. 5–184.

15. Pushkin A.S. K Batjushkovu («Filosof rezvyj i piit...») // Pushkin A.S. Uказ. soч. T. 1. Stihotvorenija, 1813–1820. 1977. pp. 64–66.

Рецензенты:

Власкин А.П., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русской литературы, ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет», г. Магнитогорск;

Рожкова Т.И., д.ф.н., профессор кафедры русской литературы, ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет», г. Магнитогорск.

Работа поступила в редакцию 08.10.2013.